

но великих было две: Великая французская, давшая старт событиям во всём мире, и Великая Октябрьская революция», — рассуждает историк.

Сергей Неганов, видя опасность перехода к актуальной повестке, решил свернуть политическую дискуссию сразу (однако в конце она всё же начнётся): «Чтобы не возвращаться больше к политике, я сошлюсь на слова своих французских коллег. Слышал от них слова о том, что революция во Франции была великой, но для одной страны одной революции достаточно».

Было ли движение масс?

Пас принял Леонид Обухов: «Повторюсь, революция — процесс. В те годы большевики говорили про Великую Февральскую революцию, это было движением масс. В октябре такого не было. Я могу даже сослаться на оценку рабочих: один из лидеров лысьвенских большевиков Борис Даниленко прямо отмечал, что в феврале был всеобщий подъём, а в октябре этого не было. Насчёт смены собственника можно спорить, но революция — процесс не одномоментный, и планировать её... В моём понимании революция — это движение широких масс».

«Опять не буду спорить с Леонидом Аркадьевичем, но, на самом деле, в октябре движение масс было, — продолжил беседу Суслов. — Февраль был кровавый, хотя вообще-то революция была мирной. 200 погибших похоронили на Марсовом поле. Это немного, и если сравнить с Февральской революцией Октябрьскую, то она вообще не была революцией в этом смысле: там погибли всего шесть человек, некоторые говорили про девять. По масштабам жертв это вообще ничто. А вот что до масс — я возражу. Ленин был настроен на решительные действия, однако, когда он возвращался из эмиграции и его встречали люди, уже на вокзале, когда ему предложили свергнуть Временное правительство и взять власть, он ответил: «Нет». Весной ему говорят, что Временное правительство «плохует» и пора брать власть, — «Нет». Расстрел мирной демонстрации в Петербурге — «Нет». Его загоняют в подполье, он скрывается и всё просит почитать газеты, отслеживает ситуацию в стране.

В сентябре он читает кадетскую газету «Речь» и решает, что вот теперь пора брать власть. О чём он прочитал? Это была маленькая заметка о том, что в Саратовской губернии крестьяне спалили 150 помещичьих имений за одну ночь. Ленин понимает, что массы приходят в движение. Как мощный аналитик, равных которому не было в прошлом веке и нет в нынешнем, он точно рассчитал, когда нужно взять власть. Поэтому, да, организовано всё было — но на базисе крестьянских масс».

Леонид Обухов заметил, что те же крестьяне поддерживали эсеровскую идею социализации земли, а не большевистскую.

Тут задал вопрос Сергей Неганов: «На дискуссии по пермскому материалу вспоминали о «пьяных бунтах», спровоцированных, по сути, октябрьскими событиями в Петрограде. Это не отражает движение масс, вызванное Октябрём?»

«Здесь я бы отметил, что свою роль сыграл и введенный до этого сухой закон, и смена власти, и ощущение безнаказанности», — ответил Леонид Обухов.

«Я бы внёс поправку. Это был просто бандитизм. Посмотрите описание

того времени: группа людей разбирает кирпичи в стене винного склада, они напиваются, грабят. В Зимнем дворце были запасы царских вин — охрану смели, бочки разбили. Вина было почти по колено, люди напивались, падали и тут же тонули», — сказал Михаил Суслов.

Хотя бы здесь историки сошлись во мнении...

Хорошая и плохая буржуазия

«Когда самодержавие рухнуло, Временное правительство собралось что-то решить с этим сухим законом, — продолжил Леонид Обухов. — Но когда большевики пришли к власти, им понадобился год, чтобы продлить действие этого закона до 1925 года».

«Временное правительство пыталось наводить порядок, но не решало проблемы, которые нужно было решать, чем приближало и порождало Октябрьскую революцию. Временное правительство вы хорошо подаёте, а для меня оно не очень хорошее», — высказался его оппонент.

«В 1918 году Троцкий издал распоряжение, по которому семьи офицеров, призванных в Красную армию, являлись заложниками и их могли расстрелять. В своём дневнике известный академик Вернадский написал, что, если интеллигенция на стороне большевиков, — они выродки»

«Как в своё время заявил лидер эсеров Чернов: «Если бы Временное правительство действовало, как большевики, оно бы никогда не пришло к власти», — ответил Леонид Обухов. — Когда Керенскому предложили арестовать Ленина, он на это не пошёл: «Это не наши методы». Он считал себя социалистом и демократом и не готов был действовать такими методами. Большевики на эти нюансы не смотрели».

«Да, но никчёмная была эта буржуазия — дряблая, неспособная. Генерал Верховский докладывает Керенскому, что большевики через пять дней возьмут власть, и как он на это реагирует? Никак. Он считал, что они их раздавят и всё, но ничего не просчитал», — сказал Михаил Суслов.

«Русская буржуазия была всё-таки разной. Просто против неё выступали все социалисты. Антибуржуазная агитация была не только у большевиков, и эта пропаганда сыграла свою роль», — считает Леонид Обухов.

Так бы они и спорили о русской буржуазии, если бы Сергей Неганов не предложил слушателям задать вопросы.

«И семьи у нас похожие»

Первый попался Леониду Обухову: «Скажите, а до 1991 года вы тоже говорили, что была одна революция?» — «Если бы я сказал что-то такое тогда, меня бы просто уволили. Можно назвать меня конформистом, но в советское время выступить с позицией, отличной от официальной, было опасно. Я помню, поехал на конференцию, посвящённую революции, и сказал что-то, не вписывающееся в общую концепцию развития революции на Урале. Меня, так скажем, поставили на место. Понятно, что в процессе работы над темой я стал знать больше...»

Сергей Неганов отказался признавать в Обухове конформиста: «Научная мысль не развивается индивидуально, она зависит от развития науки в целом».

Следующий вопрос неожиданно задал Михаил Суслов: «Не могли бы вы рассказать о происхождении своей семьи? Давно этот вопрос меня занимает».

«По материнской линии дед был раскулачен в Архангельской области. Переселён на север Урала, затем, после послабления, он осел в Кировской области. По отцовской линии родственники — вятские крестьяне. В 1937 году отца арестовали, и он погиб в ГУЛАГе», — рассказал Обухов.

Личный опыт Михаила Суслова несколько иной: «Мало того, что мы земляки, у нас и семьи похожие. Я из семьи дважды раскулаченных и репрессированных. Дядю расстреляли, отец был арестован, сидел в тюрьме. У меня тоже есть претензии к советской власти и большевикам. Казалось бы, наши взгляды должны быть одинаковыми. Но у меня ещё была мама, которая жила в простой крестьянской семье. Моя бабушка в царской России, чтобы заплатить

поинтересовался, кто из политических деятелей «переметнулся» на сторону большевиков в 1917–1918 годах.

«Довольно много, — начал отвечать Михаил Суслов, — в Красной армии было 250 генералов и 37 тыс. офицеров старой, царской армии. Посмотрите, как ведёт себя буржуазия, зря я говорил про всех. В 1901 году Николай Мешков помогает эсерам, потом большевикам и сидит в тюрьме. Савва Морозов завещал всё имущество революционерам. Были люди, понимавшие, что они обречены как класс».

«У меня два примера, — сказал Леонид Обухов. — Многие офицеры были мобилизованы в Красную армию. В 1918 году Троцкий издал распоряжение, по которому семьи офицеров, призванных в Красную армию, являлись заложниками и их могли расстрелять. В своём дневнике известный академик Вернадский написал перед Гражданской войной, что, если интеллигенция на стороне большевиков, — они выродки».

Новые вызовы

«Две позиции, два взгляда. Вы же ничего другого не думали услышать?» — задал вопрос Сергей Неганов. Но не очень были интересны два мнения гражданскому активисту Валентину Мурзаеву, который выразил несогласие по многим пунктам, вспомнив тему репрессий в советское время и закончив фразой: «Сейчас тоже идёт волна репрессий. Те, кто хочет помочь административно осуждённым, просьба обращаться ко мне».

«Очень много сказано, — кажется, почти растерялся Михаил Суслов, — по поводу невинно убиенных членов царской семьи. Вам кажется, что они невинны. У Николая II ещё был титул «Кровавый»: в 1895 году были расстреляны рабочие Ярославля, потом Ходынка и т. д. А знаете ли вы, уральцы, что в марте 1903 года рабочие златоустовских предприятий попросили повышения зарплаты, им отказали, и они устроили забастовку. Позвонили уфимскому губернатору. Он приехал с сотней солдат, пришёл в заводууправление и толпе рабочих приказал разойтись. Они ему говорят: «Иди, говорить будем». — «Разойтись!» — «Иди, говорить будем». Ну, третий раз он не повторял, достал платок... 69 убитых, 250 раненых. Да, дети царской семьи невинны, но, когда 9 января расстреливали людей, они были виновны? Дорогие друзья, невинных жертв не бывает, если вы влезаете в политику...»

«Если вы влезаете в политику, то вы виновны?» — громко спросил Валентин Мурзаев.

«Я не договорил... Есть два вида оппозиции: системная выступает против законов, порядков, несистемная требует уничтожить систему. Война идёт на поражение».

«Вы лжёте про несистемную оппозицию сейчас!» — активист, казалось, был в бешенстве. Продолжить ему не дали, но после дискуссии Михаил Суслов подошёл к нему поговорить, и они, похоже, поняли друг друга.

А что до битвы историков... Довольно ёмко подытожил дискуссию Сергей Неганов, заметив, что и Леонид Обухов, и Михаил Суслов в разные периоды в науке оставались в меньшинстве, но свои взгляды отстаивали и отстаивают, что достойно уважения независимо от того, сколько было революций.